

НАСТАСЬЯ
КАРПИНСКАЯ

ПО

современный любовный роман

ОСКОЛКАМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Настасья Карпинская

По осколкам

«Автор»

2018

Карпинская Н.

По осколкам / Н. Карпинская — «Автор», 2018

Анна, терзаемая событиями прошлого, одержима мстостью. Девять лет потрачено на вынашивание плана. Ее главная цель — разрушить жизнь Максима Никольского, того, кого она винит во всех своих бедах. Только приносит ли месть счастье? Какого узнать, что ты мстила не тому? И можно ли на обломках мести, разжечь любовь? Осторожно ненормативная лексика!
Лицам старше 18+

© Карпинская Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Настасья Карпинская

По осколкам

ДИСКЛЕЙМЕР

ВНИМАНИЕ! НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Данная книга содержит сцены употребления алкоголя и табачных изделий, а также ненормативную лексику. Автор напоминает, что употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью. Все персонажи произведения являются плодом фантазии автора. Любые совпадения имен, фамилий, внешности или жизненных обстоятельств героев, а также название локаций и компаний с реально существующими или существовавшими абсолютно случайны и непреднамеренны.

Осторожно ненормативная лексика! Лицам старше 18+

Пролог

– Ирина, вызови ко мне в кабинет Николая Викторовича.

– Хорошо, Анна Вячеславовна.

Ну что, Максим Игнатьевич, поиграем? Сегодняшний день особенный. С сегодняшнего дня твоя жизнь превратится в ад, нескончаемый ад. Я буду бить по всем твоим уязвимым местам до тех пор, пока ты не будешь стоять на коленях: морально, финансово, физически. Я узнала про тебя всё. Я изучила тебя, изучила каждый твой шаг. Я знаю наперёд каждую твою мысль. Я могу предугадать, что ты сделаешь в следующий момент. Я знаю твоих друзей, твоих врагов, твои правила. И мне плевать на них. У меня свои законы, свои условия, своя мораль. И цель всего одна: уничтожить тебя, Максим Игнатьевич Никольский.

– Да, Ирина, – нажала кнопку на селекторе.

– Анна Вячеславовна, Николай Викторович ожидает, – раздался голос секретаря.

– Пригласи.

Игра началась...

Глава 1

– Аня, может не нужно? Оставь это, отпусти. Прости его уже. Столько лет прошло. Тебе самой легче станет. Ведь не зря говорят, что прощение – это освобождение. Ты хоть раз подумала о том, что будет после всего этого? После того, как отомстишь?

– Думала, Ритка, думала! – снова опустила голову, обращая взгляд к документам, пытаюсь понять суть написанного, что было довольно трудно из-за щебетания подруги.

– И что же ты придумала? Ты считаешь, как только ты воздашь Никольскому по заслугам, сразу солнце станет ярче светить, радуга новыми красками заиграет, птички запоют, бабочки запорхают, и счастья привалит полный самосвал? И мир тебе аплодировать будет стоя: «Да здравствует Зырянова!».

– Краснова.

– Что?

– Я Краснова, а не Зырянова.

– Тьфу на тебя. Для меня ты, как была Зыряновой, так ей и останешься. Ань, ты вообще меня слушаешь?

– Слушаю, – Рита видела, что я была поглощена документами, и мне было сейчас не до её нотаций. Возможно, в чём-то она и была права. Она прекрасно видела, что я вымоталась за последний год. Уже синяки под глазами, и кофе по две кружки с утра, чтобы проснуться. Но зная мой характер, понимала, что остановить меня уже невозможно, хотя подобные попытки предпринимала регулярно.

– Ань, у Матвейки завтра праздник в школе, он стихи читает, – вот знает же, зараза, чем меня можно от работы оторвать. Сын был для меня важнее всего, и всё, что касалось Матвея, волновало в первую очередь. Пришлось всё-таки отвлечься от документов.

– Во сколько начало?

– В три, после уроков. Он спрашивал сегодня, придёшь ли ты на праздник.

– Приду, обязательно. И знаешь, может аплодировать мне никто и не будет, но легче мне станет точно.

– Помнишь, как моя бабка говорила? «Бог всё видит и накажет кого нужно».

– Только наказывать, смотрю, не спешит. Никольский, как сыр в масле, катается. Вон, жениться собрался на модели. Тендер на поставку стройматериалов и строительство одного из прибыльных объектов выиграть пытается. Контракт, на полтора ярда, заключил. Мне продолжать перечислять? Или и так понятно, что просчитались там на твоих небесах. Не того наказали. Пойми уже, я не успокоюсь, пока не уничтожу его, пока не разрушу всё, что он создавал на протяжении этих восьми лет, – я резко замолчала, понимая, что уже повышаю голос. – Прости, Рит, – сделала глубокий вдох, дабы немного успокоится. Прости, я не хотела на тебя кричать, я просто...

– Я знаю всё, Ань. Тебе не нужно мне что-то объяснять. Я только хочу, чтобы ты начала жить. По-настоящему жить, а не выполнять набор функций, как робот. То, что сейчас ты имеешь по факту, это не жизнь – это её симуляция.

Аня откинулась на спинку кресла. Закрыла на секунду глаза, выдохнула и посмотрела на подругу.

– Иди спать. Уже два часа ночи, а ты тут философию разводишь. И не переживай за меня. Всё будет хорошо.

– Надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. Спокойной ночи!

Ритка вышла за дверь, а я словно провалилась в бездну своих мыслей. Перед глазами всплывали картинки прошлого, одна за другой. Я ведь до сих пор помню ту улицу с красновато-серыми обшарпанными домами, с выцветшей краской. Штукатурка на них давно потрес-

калась и местами осыпалась. Старые двухэтажки. Ветхие и убогие, как и жившие в них люди, давно потерявшие надежду на более достойную жизнь. В одном из этих домов я когда-то жила и около одного из них чуть не сдохла...

Тот вечер словно вьелся в мою память. Я помнила все: марку машины, точное время, их одежду. Помнила всё, вплоть до цвета штор в окне на первом этаже соседнего дома. А потом...

– Мама, мам...

– Да, Матвей, – я настолько выпала из реальности, что не заметила, как сын вошёл в кабинет. – Ты чего не спишь, солнышко?

– Хотел попить, но на кухне свет выключен. Мне страшно.

– Сейчас включим.

Напоив и уложив Матвея, сама направилась в спальню. Душ будет с утра. Сейчас сил на него просто нет.

– Добрый день, Виктор Николаевич!

– И вам доброго дня, Анна Вячеславовна! С какой целью пригласили к себе? Честно, я несколько удивлён. Все вопросы мы могли решить по телефону.

– Виктор Николаевич, цель вашего визита – это довольно деликатный вопрос. И по телефону мы с вами его решить ну никак не могли. А без вашей помощи его решение будет затруднительно.

– Тогда ближе к делу, Анна Вячеславовна.

– Хорошо. Меня интересует тендер на строительство бизнес-центра на Высотной.

– Меня он тоже интересует. В чём вопрос? Точнее, в чём ваше предложение?

– На этот тендер претендуют четыре крупные компании, в том числе ваша. Вы подали заявку последними, и я делаю вывод, что вы сомневались: участвовать вам в нём или нет. Плюс ко всему дела у вас идут не очень хорошо, насколько мне известно...

– Давайте по существу, я не могу понять, к чему вы клоните, – нетерпеливо перебил Зельский.

– Ввиду всего перечисленного, предлагаю снять вам свою кандидатуру с участия. Шансов выиграть у вас мало. Это понимаете и вы, и я. Взамен я отдам вам пару хороших договоров с небольшими частными объектами. Заметьте, довольно прибыльными объектами.

– Хм, предложение, скажем, заманчивое, не буду скрывать. И вы настолько самоуверенно мне его предлагаете. Не задумывались о том, что я могу о таком предложении доложить определенным структурам? Вас за подобные махинации по головке-то не поглядят.

– Вы еле держитесь на плаву, Виктор Николаевич. Так что «мяч» не на вашей стороне поля, увы. Если будем тонуть, то вместе, я уж постараюсь.

– Думаете, убрав меня, вы выиграете тендер?

– Я сделаю всё возможное для этого, – немного наклонившись над столом, я предоставила ему полный обзор на своё декольте. Раз разговоры не помогают, обратимся к древнему и давно проверенному оружию женщин.

Зельский скользнул взглядом и, сглотнув, потянулся к стакану с водой. Я готова пустить всё своё оружие в ход: шантаж, обаяние, выгодные предложения, дабы получить желаемый результат. И я определено, его получу. Зельский, конечно, не дурак, и давно в этом бизнесе вертится. Чувствует, что мне этот тендер, на самом деле, нужен так же, как корове седло, только причинно-следственную связь моего интереса он не может уловить, оттого сомнения терзают, и боязнь, что его попытаются хитросделанно обмануть.

Но реальное положение дел в его компании настолько печальное, что ему сейчас выбирать не приходится. Пара небольших заказов, что я предлагаю, при правильном обращении может выправить немного финансовое положение фирмы и уберечь от полного банкротства.

– Если всё так, как вы обещаете, Анна Вячеславовна, то я согласен на ваши условия.

– Я рада, что вы всё же умеете принимать верные решения, Виктор Николаевич. Тогда жду ваших действий. Как будет официально объявлен ваш выход из конкурсной гонки, договора на стройку в Огарьева и Сухомино ваши. В качестве гарантии выполнения своих обязательств я дам вам папку с документацией по одному проекту без договоров соответственно.

– Тогда, как говорится, по рукам, Анна Вячеславовна. Надеюсь, наше сотрудничество меня не разочарует.

– Взаимно, Виктор Николаевич.

Когда Зельский ушёл, я, наконец-то, выдохнула. Итак, что мы имеем: компания Зельского уйдёт сама с конкурса. «Триумф и Ко» подали вчера заявку о выходе. Официально, конечно, это ещё никто не подтвердил, но в этой информации я была уверена на сто процентов. Очень хорошая «птичка» принесла эту благую весть. Остался «СтройИнвест» и мы.

– Ирина, – нажимаю кнопку селектора.

– Да, Анна Вячеславовна.

– Скажи Роману, пусть зайдёт ко мне.

Роман был незаменимым для меня человеком. Официально являясь начальником охраны в компании, по факту выполнял множество моих личных поручений и получал за это довольно внушительную премию. Пришел Роман в «ProStroi» из органов, поэтому связи и опыт позволяли невыполнимое сделать выполнимым.

– Добрый день, Анна Вячеславовна. Вызывали?

– Да, садись, – я указала на стул. – У меня к тебе просьба. Завтра придёт груз компании «СтройИнвест». Мне необходимо, чтобы их груз пропал, испортился, оказался не их грузом, утонул, сгорел. В общем, выбирай сам, что больше нравится. Главное, чтобы они его в целостности и сохранности не получили. Машины приходят в восемнадцать часов на склады, потом разгрузка. С двадцати до двадцати одного часа на складах уже никого не будет.

– Понял, – поднявшись с места, он уже сжимал в руках телефон.

– Ром, сделай чисто.

– Как обычно.

Уже у двери Роман обернулся.

– Это его груз? Никольского?

– Его, – Роман помрачнел.

– Ясно. Сделаю.

– Спасибо.

Рома был в курсе некоторых подробностей касательно Никольского, только главного не знал. Но и того, что было ему известно, было достаточно, чтобы он оказался на моей стороне.

Глава 2

Максим рвал и метал. Ор не прекращался ни на минуту. Из кабинета то и дело слышался поток отборных матов.

– Андрюх, ну скажи, какого хрена такие дебилы работают у нас? Как можно было не заметить батареи? Как, мать твою? Её погрузчиком пропороли и, никого не предупредив, свалили. Вода всю ночь хлестала. Батарею, Андрюх! Весь вчерашний груз на свалку! Ты представляешь объём? Твою ж мать!

– Макс, успокойся. Скорее всего, там только то, что на полу стояло на списание. Половина, как минимум, уцелела.

– Ничего там не уцелело. Хрен с ними с деньгами, потраченными на груз. Ты представляешь, какие мы штрафы за сорванные сроки работ платить сейчас будем? Да мы побираться пойдём с тобой на пару.

– Не паникуй, что-нибудь придумаем.

– Что ты тут придумаешь? Придумает он! Думальщик нашёлся. Я с ума скоро сойду. День ото дня не легче. Вчера все ворота смяли, а сегодня это.

– Как смяли?

– Врезался на машине мудака какой-то. Говорит, плохо с сердцем стало. Ладно бы машина нормальная была. Можно было бы бабок стясти, а так, – разочарованно махнул рукой. – Хонда лохматого года.

– Страховка у него хоть была?

– Была, даже дополнительное соглашение к страховке было. Только, сука, у меня страховка ещё не сделана на дом. Всё некогда было заняться. Вот тебе и некогда. Теперь либо суд, либо отпустить с миром. А сегодня ещё вот это на складе.

– Это просто чёрная полоса. С каждым бывает.

– С каждым? Хочешь контрольный выстрел? Сегодня объявили предварительные результаты по тендеру...

– И как понимаю по тону твоего голоса, мы в пролёте.

– Правильно понимаешь. «ProStroi» получают тендер. Вчера «Триумф» объявил о выходе из конкурса, а сегодня, говорят, Зельский вышел.

– И вот на хрен он им? Они же загородным строительством занимаются.

– Вот и я не понимаю, Андрюх, на хрен.

– Короче, пойдём, выпьем. Завалимся к Даньке в клуб. У них новая программа. Проветрим мозги.

– Ага. А то, судя по нашим делам, может, последний раз гуляем.

– Сплюнь.

– Оля, ты преувеличиваешь мою благосклонность к тебе. Я не пойду в клуб, у меня работы выше крыши.

Оля – моя незаменимая палочка-выручалочка и, по совместительству, подруга. Мой незаменимый куратор с администрацией и чиновниками. Она помогала мне получать разрешения на строительство и выгодные площадки от города. Да и с документами проблем никогда не было, благодаря Ольге. Единственный минус – это её моторчик в одном месте, который порой нес её не в том направлении.

– Отказов не принимаю, у меня сегодня день рождения! Ты забыла? Только не говори, что забыла? Краснова! Я убью тебя, слышишь! – взвилась Ларина.

Блин, я реально забыла про неё, хотя Ритка напоминала вчера.

– Не забыла, успокойся. Просто думала, заеду к тебе, поздравлю и домой, – произнесла спокойным и уверенным тоном, даже сама себе поверила.

– Аня, никаких домой. В восемь жду тебя возле клуба «Пегас». Не приедешь, я возьму такси, приеду, вытащу тебя из дома и приволоку в клуб прямо в пижаме!

Представив подобное, впервые за день улыбнулась.

– Хорошо, Оль. Как понимаю, выбора у меня нет.

– Не-а. Всё, мне пора собираться и пудрить носик. Я жду тебя. Кстати, Риту я уже предупредила, что ты задержишься. Её я тоже звала, но, к сожалению, мои угрозы и уговоры на неё не действуют.

– У неё новый босс на работе наводит свои порядки. Устаёт сильно. Да ещё я Матвея на неё скинула. Ладно, всё при встрече расскажу. Иди уже, пудри носик.

Клуб впечатлял своими размерами и интерьерами. Нас проводили в одну из VIP зон, и мы устроились за заранее заказанным столом.

– Кто-то ещё будет? – я повернулась к Ольге, отрываясь от разглядывания интерьера.

– Конечно. Сегодня у нас сугубо женская компания. Лариска уже у входа. Вот, написала, сейчас прибежит. Юлька и Женька, как всегда, опаздывают. Алка, как и ты, всё на своей работе пропадает, но написала, что уже выехала.

– Девочки, я тут! – не заставив себя долго ждать, Лариса возникла у столика, и тут же начала бесконечно щебетать: она похожа на мини-ураган, который всё сносит на своём пути. В ней столько лишней энергии, отчего иногда кажется, что ей физически сложно усидеть на месте.

Постепенно наша компания заметно увеличивается. Спустя час девочки были уже порядком захмелевшими, но безумно весёлыми. Я же сегодня ограничилась клюквенным морсом. Ольга, конечно, попыталась надуть губки, но предложение отвезти всех по домам успокоило обидчивую именинницу.

Оля с Ларкой умчались танцевать, а я не могла отделаться от ощущения, что кто-то постоянно смотрит мне в спину. Поменявшись с Женькой местами, я, словно маньячка, пыталась рассмотреть каждого человека в зале.

– Макс, куда ты постоянно смотришь? Я уже начинаю думать, что сам с собой тут разговариваю.

– Прости, Андрюх. Видишь, вон там компания девчонок что-то отмечает? Брюнетка в чёрном брючном костюме никого тебе не напоминает?

– Нет. А что? Ты её знаешь?

– Не могу отделаться от ощущения, что да. Но только где я её видел, вспомнить никак не могу.

Мне она казалась знакомой. Но при этом я был уверен, что я не встречался с ней. Память у меня хорошая, особенно на лица. И удивительно было то, что сейчас она впервые меня подводила.

Несколько лет назад.

Молодой человек в армейской форме стоял на перроне и разглядывал толпу людей, снующих по вагонам и путепроводам. В этой толпе пытался рассмотреть отца, который должен был его встретить. Простоял на вокзале минут пятнадцать и, решив, что дальше ждать, нет смысла, отправился самостоятельно на такси домой.

– Привет, пап! – я вошёл в дом, в котором последние восемь лет жил отец после смерти мамы.

– Здравствуй, сын! Ты уже приехал? Прости, что не встретил. За временем не уследил. Не обижайся на своего старика. Дело тут одно срочное, – он выглядел уставшим и озадаченным.
– Родион проблем устроил.

Отец за два года, что я его не видел, не слишком изменился. Только седины в волосах прибавилось да пара новых морщин.

– Опять он за старое? – мой старший брат всю жизнь был головной болью моих родителей. С пятнадцати лет вещества, мутные компании и друзья из мест не столь отдаленных. Сейчас ему двадцать пять, но ничего так и не изменилось. Благодаря связям, Родиона удавалось вытаскивать из большинства историй. Но глядя сейчас на измученное лицо отца, я не сомневался, что на этот раз случилось что-то очень серьёзное.

– Да, сын, и старое, и новое. Неделию назад позвонили из полиции. Полковник из отдела, мой знакомый. Сообщил... – он осёкся на полуслове, качая головой и отводя взгляд в сторону.
– Даже не знаю, как слова подобрать, чтобы не так стыдно было.

– Говори, как есть.

– Ищут его. Родиона, – отец налил воды в стакан из стоящего на столе графина. Выпил почти залпом. – За изнасилование.

Я на секунду потерял дар речи.

– Что? Ты серьёзно?

– Да, сын. Видео с камер сам видел. Сомнений нет.

– Под чем-то?

– Не знаю точно, но, скорее всего. Он не один был. С двумя отморозками, которые стояли и смотрели на то, что вытворял этот выродок. Прости, слов других у меня нет для него.

Отец снова сел за стол, потирая лицо руками.

– Я больше его покрывать не буду, Максим. С меня хватит. Жалел сучонка, пока мать живая была. А сейчас – всё. Найдут, посадят, значит, так и надо. Поделом. Заслужил. Там помимо этой истории, ещё три ограбления тянутся за их компанией. Так что, сядет надолго.

– Тогда что решить пытаешься? – на столе были разложены какие-то бумаги, которые до моего прихода изучал отец.

– Девочку эту ищу, помочь хочу. Раз выродка такого на свет родил, хоть девчонке помогу чем смогу. А она, как в воду канула. Нет нигде. В полиции один раз появилась, и всё. Три дня назад детектива нанял, раз менты не справляются. Но тоже толку нет. Отчёт прислал почти нулевой, – небрежно бросил тонкую папку на середину стола. – Всё это я уже из уст полковника узнал. Что семья у неё неблагополучная, мать пьянствует. Всё уже слышал. Нового ничего.

Я понимал волнения и чувства отца. Хуже, наверное, ничего нет. Разрывающее нутро разочарование в собственном ребёнке такой силы, что готов сам посадить его за решётку, лишь бы стыда этого на душе не чувствовать.

– Отец, ты собери мне всю эту информацию и фото девочки, если есть. Я помогу с поисками. Только мне бы переодеться да ополоснуться. Три дня в дороге.

Приняв душ, переоделся в гражданку. Наконец-то. Прощай, армейская роба. Отца обнаружил на кухне.

– Тут Тамара наготовила всего вчера. Знала, что ты приедешь. Ждала.

Тетя Тамара работала домработницей у отца уже лет пять, а то и шесть. Хорошая, добрая женщина. Всегда заботилась и переживала за всех нас, как за свою семью.

– А сама где она?

– Отпросилась на три дня. Сестра у неё заболела. Плохо с сердцем стало. Поехала помогать.

– Ясно.

Отец протянул черную папку.

– Тут вся информация, что удалось собрать, и фото. Я поеду. Надо дела по работе решить некоторые. К ужину буду дома.

– Хорошо. Я пока ознакомлюсь.

Пролистав бумаги, выписал адрес прописки девочки и имя. Долго всматривался в фотографию. На меня смотрела весёлая, симпатичная девчонка. На вид и не скажешь, что ей восемнадцать. Худенькая совсем. Русые волосы собраны в небольшой низкий хвостик, из которого выбивались короткие прядки и обрамляли её личико. Серые глаза, летнее платье и короткая джинсовая курточка. Смотрел на фото и понимал, будь сейчас рядом со мной Родион, я бы вздернул его собственными руками. Она могла быть чьей-то сестрой и дочерью. Если бы у меня была сестра, и какой-то урод тронул бы её хоть пальцем, закопал бы живьём, не раздумывая. А так, у меня в родственниках есть только тот самый выродок. На душе стало хреново и мерзко. Отец на нервах весь, а это ничтожество ходит по земле и наслаждается жизнью. Противно.

Положив фото во внутренний карман куртки, отправился по адресу.

Глава 3

Наши дни.

– Макс, ты куда?

– Посиди немного. Я скоро.

Она отдыхала с подругами. Идеально сидящий брючный костюм подчеркивал её сексуальную фигуру. Длинные черные волосы были перекинуты через плечо. Красная помада, единственная яркая деталь в её образе, притягивала взгляд. Она что-то говорила сидящей напротив девушке и, казалось, не замечала моего приближения.

Разговаривая с Женькой, боковым зрением отмечаю приближение какого-то мужчины. Он останавливается у нашего столика.

– Девушки, добрый вечер! Могу я пригласить вас на танец? – поднимаю взгляд и понимаю, что обращается он ко мне, а в следующую секунду замираю, от неожиданности не в силах вымолвить ни слова. Никольский. Стоит напротив меня собственной персоной. Знаю, что, скорее всего, он не узнает меня, но внутри всё неприятно переворачивается. Поднимаюсь резко с намерением уйти, скрыться на улице или в дамской комнате, чтобы унять то, что поднялось со дна души и медленно растекалось по венам, желая его крови. Но со стороны это выглядит совершенно по-иному, поэтому он расценивает это, как положительный ответ. Берёт меня за руку и ведёт в сторону танцпола. Как назло, играет медленный трек. Никольский обхватывает мою талию, притягивая к себе. Горло тут же сдавливает от нахлынувших эмоций. Он не узнает меня, я уверена в этом. Но по телу всё равно волной проходит противная дрожь. Спина покрывается холодной испариной. Шёлковый топ под жакетом прилипает к коже. А от запаха его парфюма начинает кружиться голова. Сглатываю, прикрывая на секунду глаза. Не помогает. Я не ожидала встречи с ним так скоро. Не была к этому готова. Это не входило в мои планы. Пока идет мой внутренний диалог, и я пытаюсь взять себя в руки, Никольский с интересом меня изучает.

– Я могу узнать ваше имя? – улыбка-то какая очаровательная. Глупые дурочки, наверняка, на шею пачками вешаются.

Сначала хочу солгать, представится чужим именем. Но здравый смысл напоминает мне, что осталось совсем чуть-чуть, и он всё равно узнает, кто я. Поэтому смысла как-то изворачиваться нет.

– Анна, – проговариваю, глядя ему прямо в глаза.

– Вы прекрасны, Анна, – Никольский полностью расслаблен и пытается флиртовать, в отличие от меня.

– Спасибо.

– Я Максим, – он снова улыбается, игнорируя тот факт, что сама я совершенно не проявляю интерес.

– Спасибо, Максим.

– Мы не могли с вами где-то видеться? – я внутренне съеживаюсь. Виделись, Никольский. Виделись почти десять лет назад. Только ты вряд ли чётко помнишь меня и моё лицо.

– Не думаю, – отвечаю, смотря в его глаза, медленная мелодия заканчивается, и я отхожу на шаг от Никольского. – Мне пора, – но он останавливает меня.

– Можно попросить ваш номер телефона?

– Нет.

– Вы так категоричны, что мне становится всё больше интересно, почему?

– Меня дома ждёт любимый мужчина, – я не лгу, дома действительно меня ждет мой самый любимый на свете мужчина – мой сын. – Извините, Максим, мне нужно идти, – впер-

вые за столько лет обращаюсь к нему вот так прямо. Тошнота резко подкатывает к горлу, мне становится плохо. На ватных ногах подхожу к столику и забираю свою сумочку. Извинившись перед Женей, которая уже сидит не одна, а с каким-то мужчиной, выбегаю из клуба. Достая из сумочки иммобилайзер, попадаю по кнопке только со второго раза – руки дрожат. Сажусь в машину. Ехать в таком состоянии сродни самоубийству, меня колотит. Не думала, что так буду реагировать на его появление. Считала, что отрастила достаточную броню. Ошибалась. Открываю все окна в машине. Откидываюсь спиной на сиденье в попытке успокоиться. В салон врывается холодный ночной воздух. Раз, два, три, четыре – вдох. Втягиваю его в свои лёгкие, как надежду вернуть контроль. Пять, шесть, семь, восемь – выдох. Не выходит. Озноб лишь сильнее пробирает тело. И сомкнув веки, я проваливаюсь в тёмные картины своего прошлого.

Темно. Как же темно и больно. Рукой ощупываю место, где я лежу. Мокрые листья, земля влажная и холодная. Голова болит, во рту противный металлический вкус крови. Делаю попытку перевернуться, чтобы сплюнуть. Но острая боль пронзает всё тело. Падаю обратно на холодную и мокрую землю. Лежу ещё какое-то время так, периодически закрывая глаза и выпадая из реальности. Не знаю, сколько часов или минут проходит, когда моё тело, наконец, начинает чувствовать холод. Руки ледяные, ноги тоже замерзли. Превозмогая боль, пытаюсь сесть. Сделать это получается только раза с пятого. Нащупываю рукой ствол дерева, откидываюсь на него спиной. Голова кружится до тошноты. Волнами накатывает жар, снова и снова отступая, оставляя моё тело дрожать от холода. Пытаюсь провести руками по лицу, потому что не чувствую губ. Пальцы дрожат и не слушаются. Понимаю, что одна сторона лица опухла, глаз почти заплыл. Облизываю сухие губы. Больно, губа разбита. Холодно. Как же холодно. Порыв ветра поднимает опавшие листья. Я резко открываю глаза, прекращая эту пытку прошлым.

И я снова в настоящем, в машине напротив клуба. Нащупываю кнопку и поднимаю стекла, закрывая окна машины. Надо успокоиться. Я не могу появиться дома в таком состоянии, Ритка с ума сойдет от беспокойства. Не хочу, чтобы Матвей испугался. Мой мальчик. Мой любимый мальчик. Достая из бардачка пачку сигарет, прикуриваю, затягиваюсь. Никотин наполняет мои легкие, даря иллюзию тепла. Приоткрываю снова окно, на этот раз только со своей стороны, выпускаю дым. Вижу, как Никольский выходит из клуба, не один, с каким-то мужчиной. Они садятся в машину и отъезжают. Я справлюсь. Я должна. Сигарета заканчивается, выбрасываю окурочек в окно, поворачиваю ключ в замке зажигания и осторожно выезжаю с парковки.

Утро встретило меня пасмурной погодой и головной болью. Приняв таблетку, провожаю Риту с Матвеем. Подруга по пути на работу отводит Матвея в школу. Принимаю душ и собираюсь уже выезжать в офис, как раздаётся звонок от Романа.

– Анна Вячеславовна, доброе утро!

– Доброе.

– У меня появилась информация по Никольскому, которую вы просили пару дней назад.

– Нашёл, где и когда они встречаются?

– Да. Вам выслать на почту?

– Нет, я через двадцать минут буду на месте. Оставь Ире папку или флешку, что там у тебя.

– Хорошо.

Нажимаю отбой, отпивая из чашки горячий кофе. Вчерашняя встреча с Никольским в клубе изрядно пошатнула мое душевное равновесие. Я искренне полагала, что готова с ним столкнуться нос к носу, но реальность показала обратное. Спала плохо. Ничем не объяснимая тревожность сводила с ума, заставляя балансировать на тонком краю адекватности и панического приступа. Мало того, что прошлое снова тянуло свои тёмные щупальца ко мне, заставляя чувствовать себя неуверенной девчонкой, так ещё и от воспоминаний ощущений рук Никольского на моей талии меня начинало колотить. И самое противное было в том, что эта дрожь

была никак не связана с моими страхами. Это ненормальная, больная реакция. Может, у меня развивается стокгольмский синдром?

Надо переключиться и прийти в себя. Допила кофе и, сполоснув кружку под краном, пошла обуваться. Рома нашёл информацию касаясь последней пассивной сделки Никольского, и я хочу её использовать в своих целях. Мелкие пакости, конечно, не красят женщину, но зато приносят немалую долю наслаждения. Даже если это выглядит недостойно в глазах общества, мне всё равно. Всё же я не женскими прокладками машину ему собралась обклеивать. Тут посерьёзней неприятности.

Офис «СтройИнвест». Максим.

В офисе с раннего утра. В обед должны объявить победителя по тендеру. То, что мы в пролёте, я уверен на девяносто девять процентов. Именно поэтому всё утро провёл за изучением последних финансовых отчетов, отражающих состояния нашей фирмы. И прогнозы у меня были неутешительные. К десяти часам в кабинет заглянул Андрюха.

– Привет, работяга, уже с самого утра вкальваешь? В администрацию кто поедет? Сам или отправишь кого-нибудь? – и он плюхнулся в кресло напротив моего стола.

– Сам. Ты со мной?

– Нет, к моему великому сожалению. Поеду на склад, посмотрю, что да как. Составлю акты и отдам распоряжение зачистить ангар от мусора. В общем, буду работать, пока ваше превосходительство будет прохлаждаться в администрации.

– Не ёрничай. Я не горю желанием туда ехать. И так понятно, что тендера нам не видать. У меня к тебе просьба созрела. Можешь одну вещь для меня сделать?

– Всё что угодно за ваши деньги, Максим Игнатьевич.

– В кого ты такой клоун? Вроде папа у тебя серьёзный... Ладно. Вчерашнюю брюнетку в клубе помнишь?

– С которой ты танцевал?

– Именно. Пробей её: кто она, кем работает, замужем или нет. Всё, что есть на неё, хорошо?

– Окей, без проблем. Зацепила крошка?

– Не могу отделаться от ощущения, что я её уже где-то видел. Хотя и в том, что зацепила, ты тоже прав, – мысли о красивой брюнетке заставили меня улыбнуться впервые за всё утро.

– Хорошо, Ромео. Я тебя понял. Не забывай, что у тебя Инга есть, не спались, – Андрей гаденько подмигнул и вышел из кабинета, попутно флиртуя с секретаршей.

– Казанова хренов, – проворчал я сам себе под нос.

В администрации было душно. Небольшой зал был заполнен людьми: инвесторы, чиновники, строительные фирмы всех мастей. Кого тут только не было. Пробираясь к свободным местам, увидел уже знакомую фигуру, разговаривающую с одним из чиновников. Черные, как смоль, волосы были собраны в низкий хвост. Белые брюки и такого же цвета блуза, выделяли её из серой массы строгих, безликих костюмов. Анна, вчерашняя загадочная девушка из клуба. Интересно, что она тут делает? Через всю толпу я уже не смогу к ней подойти. Придётся дожидаться конца этого официального балагана.

Когда все заняли свои места, к трибуне вышел заместитель министра градостроительного департамента и приступил к оглашению списка тех, кто допускается к работе по обсуждаемому объекту. В первую очередь были объявлены инвесторы, следующими шли исполнители, то есть строительные фирмы.

– Тендер по строительству бизнес-центра на Высотной отдается компании «ProStroi», генеральным директором которого, является Краснова Анна Вячеславовна. Все сопутствующие документы получите в отделе градостроительства завтра после обеда. А теперь далее... – набатом прозвучало на весь зал. Я повернул голову в поисках этой сучки из «ProStroi»,

обводя взглядом собравшихся, а когда увидел, кого поздравляют с получением тендера, на меня словно ведро холодной воды опрокинули. Этого не может быть. Твою ж мать! Сукой из «ProStroi» оказалась моя вчерашняя знакомая. Она встала со своего места и начала продвигаться к выходу из зала. Будто чувствуя, что я за ней наблюдаю, повернула голову на доли секунды, и мы встретились взглядами. Секундная заминка, и Краснова с невозмутимым выражением лица выходит за дверь. Сбежать хочет? Ну уж нет. Я был уверен на все сто процентов, что вчера она прекрасно знала, кто я. Оттого и реакция шла на отторжение. Знала, что именно из-под моего носа уводит тендер. Вот я дурак. Говорил же Андрюха, что надо каждого из конкурентов пробить, посмотреть, что за люди, кто, чем живет и дышит. Я тупо забил на это. Самоуверенность долбанная. Вот и оказался в дерьме по пояс. Слив Зельского и «Триумфа», скорее всего, тоже её рук дело. Встаю с места и, извинившись, покидаю зал. Оглядываюсь. В коридоре её нет. Куда пропала? Пройдя пару метров, замечаю её у выхода, накидывает пальто. Как назло, в кармане начинает вибрировать телефон. Андрей. Пока я отвлекаюсь на звонок, она уже исчезает с поля моей видимости. Чёрт!

– Андрюх, ты не вовремя! – зло рычу в трубку.

– Твоя вчерашняя пассия из клуба – Анна Вячеславовна Краснова, генеральный директор «ProStroi», – с какими-то истерическими нотками в голосе произносит тот, и это мне совсем не нравится.

– Не поверишь, но я уже в курсе.

– Макс, не связывайся с этой дамочкой. Такая, как она, проглотит и не подавится.

– Ты сейчас таким испуганным тоном это вещаешь, что я готов поверить в то, что ты от страха там уже обделался. Она обычная баба, успокойся. Красивая, наглая стерва не более.

– Обычная, говоришь? Как бы не так. Помнишь компании «ДомСтрой», «Ветер», «Роза Ветров», «Гринвич», «Карасев и ко»?

– Помню, и что? – я не совсем сейчас понимаю, к чему он клонит.

– А то, что подвела их к черте разорения именно Краснова. Потом она просто скупила их акции, сделав слив компании, но через полгода все директора этих фирм оказались уволены.

– То есть её фирма поглотила целых пять компаний?

– Семь, если быть точным. И это за последние пять лет. Это не баба, это акула, Макс.

– Ты преувеличиваешь. Скорее всего, простая пешка. Я с большей вероятностью поверю, что за ней стоит какой-нибудь влиятельный любовник. Этаким серым кардинал. А сама она и гроша выделанного не стоит.

– Ни капли не преувеличиваю. И нет за ней никого. Сейчас Михалыч распечатает мне всю её подноготную. Привезу, сам всё почитаешь. Ты хоть одну женщину видел в строительном бизнесе, кроме неё? Я – нет. Да по всей области она единственная женщина, занимающаяся строительством. Это традиционно мужской бизнес. А помнишь Владимирову Тараса?

– Да, у него «Строй Глобл» в соседнем городе.

– Ты хотел сказать, был «Строй Глобл». Он на вечере у губернатора в конце прошлого года решил высказать Красновой, что бабе нечего делать в строительстве. Мол, иди борщ готовь. Та сделала вид, что проглотила оскорбление. А через три месяца скупила акции его компании, набрав ведущий пакет, и стала полноправной владелицей «Строй Глобл». А ещё через месяц слила его в общий котел «ProStroi». И поверь, не один ты предполагал, что за ней кто-то стоит, но все факты говорят об обратном.

Провел рукой по лицу. Твою ж за ногу. Я не мог до конца поверить, что вчерашняя девушка, дрожащая от каждого прикосновения моей руки, та самая Краснова, о которой говорит Андрей. Либо она шикарная актриса, либо у Андрюхи поехала крыша.

– Блин, подъезжай в офис, обсудим. Мне кажется, ты нагоняешь больше страха. Непохожа она на бизнес-пиранью.

– Поверьте мне, Максим Игнатьевич, это я ещё преуменьшаю.

– Жду в офисе.

Нажал отбой. Если всё так, как рассказывает Андрей, то, что получается? Краснова роет под нас? И вчерашняя встреча в клубе неслучайная? «СтройИнвест» следующий в её списке? Если это именно так, то я сделаю всё, чтобы она обломала на нас свои акульи зубки.

Глава 4

– Ну что, ознакомился? – Перевалов стоял у окна, выкуривая очередную сигарету. Я же сидел за столом, вчитываясь в материалы, который он привёз от Михалыча.

– Ознакомился. Знаешь, во всем этом, – я поднял листы и отбросил их на край стола, – мне одно непонятно: вся информация о ней только за последние восемь лет. Где остальное?

– А нет больше ничего, Макс. Представляешь, просто нет. Как будто она из ниоткуда появилась восемь лет назад. Михалыч пороет ещё, но сказал сразу, что обнадеживать не будет.

– То есть зачистили всё профессионально?

– Да.

– Тогда кто она на самом деле? Если ты говоришь, что за ней никто не стоит. Тут не сходится, Андрюх. Кто и зачем за ней подчистил так гладко? И какого черта ей сдалась наша фирма? В регионе есть более перспективные и доступные для поглощения компании.

– А вот это хорошие вопросы. Только ответов на них нет, – произнес Андрей, а я встал из-за стола, тоже вытащил сигарету из пачки и подошёл к окну.

– Я не дам ей сожрать нашу компанию. Мы её с нуля создавали. Она подавится нами. Я для этого всё сделаю.

– Ты уверен, что вытянем? Она не так проста. Не мы первые, кто пытается с ней бороться.

– Так раскопай, кто за ней стоит. Влиятельный любовник, родственник, покровитель. Я думаю, это есть ключ к решению нашей проблемы.

– Как это смешно не звучит, но информации по этому вопросу нет. Сам же читал, живёт с подругой и сыном. Подруга встречается уже два года с соседом по площадке, а по Красновой нет ни слова.

– Рой, – бросил в сторону Перевалова, туша сигарету.

– Может, в клуб к Даньке?

– Нет, не сегодня. Ты иди, а я ещё посижу, подумаю. Может, что придет в голову, как нам обратиться из этой задницы, в которую мы так эпично угодили.

– Хорошо. Я бы составил тебе компанию, но обещал сестре встретить её в аэропорту.

Прилетает поздно, в час ночи.

– Агате привет передавай.

– Хорошо.

– Алла, привет! – произнесла я в трубку. Корикова была моей старой приятельницей и владелицей крупного модельного агентства.

– Привет, дорогая!

– У меня дело к тебе есть. Могу подъехать сегодня?

– Ты на работе сейчас?

– Да.

– Я мимо твоего офиса буду ехать через пять минут. Могу сама заглянуть на чай. Не против?

– Нет, конечно. Тогда я жду тебя.

Ну что, Никольский, твоя невеста возвращается из Милана через пару дней, и у меня есть для вас очаровательный сюрприз.

Информацию о невесте Никольского Роман мне привёз два дня назад. Где и когда они назначили встречу, их любимый ресторан, дату свадьбы, что она любит, в общем, полное досье.

На фото Инга выглядела лощёной светловолосой красавицей с модельной внешностью. Смотрела на неё и невольно вспоминала себя. Тот же влюбленный взгляд, планы, мысли о свадьбе, вся в мечтах и любви. Я же тогда была уверена, что моя любовь священна и нерушима,

что Виталий меня поймёт, поддержит, и никак не ожидала, что реакция будет совсем противоположной.

Несколько лет назад

Худенькая девочка сидела на скамейке перрона в ожидании поезда. Через несколько минут должен прийти поезд с отслужившими молодыми людьми. Поэтому перрон постепенно заполняли родственники, друзья и прочие встречающие. Недалеко от девушки стояла небольшая толпа ребят, которые её знали, жили с ней в одном дворе. Но они не подходят к ней, только бросают пренебрежительные взгляды в её сторону, от которых становилось гадко на душе. Но ничего, она потерпит. Ведь скоро она увидит его, своего любимого, которого так ждала, писала письма, плакала ночами от желания оказаться рядом с ним. Два года ждала. Верно ждала. Он поймёт, он защитит её от чужих нападков. Он хороший, он самый лучший. Осталось потерпеть всего десять минут.

Только она не знала, что через десять минут её чувства втопчут в грязь на этом самом перроне, ударят наотмашь едкими, несправедливыми словами. И осколки этой любви навсегда останутся в душе, день ото дня острой и непроходящей болью напоминая, что за всё приходится платить. И иногда даже не по своим счетам.

Она подскочила со скамейки, как только увидела его.

– Виталя! Виталя! – но он прошёл мимо, словно ее не увидел. Не заметил, наверное. Побежала за ним, продолжая кричать.

– Виталя! – он резко развернулся, резанув льдом, отразившимся в его глазах. – Зачем пришла? – она смотрела на него и не понимала ничего.

– Виталь, я так ждала тебя.

– Ждала?! – он подходит ещё ближе, рукой резко хватая её за подбородок. – Ждала, говоришь?! Мне уже рассказали, как ты меня ждала, раздвигая ноги и ложась под каждого желающего. Пошла отсюда! Увижу ещё раз, по стене размажу.

– Виталь... это неправда... это... всё не так, – ее глаза заволокло слезами, которые готовы были скатиться по щекам.

– Вон пошла! Ты такая же шлюха, как и твоя мамаша. Мать была права, не стоило с тобой даже связываться, – он развернулся и пошёл к толпе друзей и родных, которые его уже ждали, а она так и осталась стоять на месте, словно окаменела. Не могла поверить в происходящее. Смотрела сквозь пелену слёз, как его обнимают и приветствуют, как они толпой уходят с перрона.

Наше время

Я не знаю, сколько тогда просидела на том перроне. Поезда приходили и уходили, как и люди. А я все сидела на скамейке, не чувствуя холода. Когда меня нашла Рита, было уже темно, зажгли фонари, и дворники подметали брусчатку. Она ни о чем не спрашивала. Видимо, уже всё знала сама. На последнем автобусе добрались до дома её бабушки, где меня напоили чаем и уложили в кровать. Всё это время я молчала, не могла и слова сказать: то ли от шока и боли, то ли от стыда.

Мои воспоминания нарушил звонок Ирины.

– Анна Вячеславовна, к вам Алла Аркадьевна.

– Пропусти.

Алла грациозной походкой вошла в мой кабинет, окончательно возвращая меня в реальность и рассеивая гадкий морок прошлого.

– Привет, моя дорогая!

– Привет, Аллочка! – мы обмениваемся поцелуями в щеку, приветливо улыбаясь.

– Ну, рассказывай, что за дело у тебя ко мне.

– Мне необходима помощь твоих девочек. А лучше, если среди них найдется одна симпатичная, сообразительная, умная и умеющая молчать в случае чего. По деньгам не обижу. И да, в идеале с актерскими задатками. Есть такие?

– Есть, конечно. И желающие заработать тоже есть. Но мне необходимо знать специфику работы. Надеюсь, без интима и без жести?

– Не волнуйся. Ничего криминального. Необходимо проучить немного одного зарвавшегося козла. Сыграть на камеру, будто он её любовник. Вся информация я дам. Их просто сфотографируют в это время, и всё. И второй раз сделать то же самое, но уже на глазах его невесты.

– Кто-то опрометчиво решил перейти дорогу самой Красновой? – Алла понимающе улыбалась.

– Что-то типа того, – сложив руки в замок и положив их на стол, изображаю хищную улыбку и смотрю на подругу.

– Да сделаем, без проблем. Есть одна девочка. Через неделю, как раз по контракту летит в Венецию. Самый удобный вариант и для тебя, и для неё.

– Замечательно.

– Тебе фотограф нужен? Или уже нашла?

– Ещё не искала.

– Отправлю своего Вадика тогда, договоритесь.

– Спасибо, Ал.

– Не за что. Ты же знаешь, я всегда помогу.

– Я это очень ценю, если что необходимо, обращайся. Мои длинные руки могут многое.

– Не сомневаюсь, – Алла усмехнулась. – Но, хорошо, что у меня пока нет причин ими воспользоваться.

– Это не может не радовать. Тогда до встречи, дорогая!

– До встречи. Я пришлю завтра к тебе девочку и Вадика.

– Хорошо, – я поднялась, проводила Корикову до лифта и вернулась в кабинет.

Ну вот, осталось ввести в курс дела Романа, и всё будет готово.

С ним я переговорила вечером. Он обещал подготовить машину без опознавательных знаков на случай, если Никольский заметит съемку и решит пробить по номерам информацию.

На завтра была назначена встреча с девочкой из Алкиного агентства и фотографом. Небольшая подготовка, а послезавтра их первый выход. Второй будет на следующий день после приезда невесты Никольского. Конечно же, после того, как она получит наши фотографии. Шах и мат, Максим Игнатьевич.

Очевидно же, что он будет пытаться спасти свою фирму денежными вливаниями. А у кого просить денег, как не у будущего тестя?

Как же хочется увидеть его лицо в тот момент, когда Инга пошлёт его ко всем чертям, и он поймет, что денег от её богатого папочки ему больше не видать. Ещё один шанс спасти свой захудалый бизнес он потеряет. Я обрубала ему ниточку за ниточкой, наблюдая, как он отчаянно трепыхается.

А ведь игра только началась, и пока я веду, Никольский.

Месть – это яд. Месть для глупцов и безумцев. Кем же сейчас была я? Глупой или безумной? Мне было тяжело ответить на этот вопрос. Но тогда много лет назад, я бы ответила так: «Месть может и яд, но сладкий яд». И я настолько безумна, что готова его выпить до дна, до последней капли. Пусть я и умру от него, но умру не одна. Я возьму Никольского в ад с собой. Ведь каждому должно воздаться по делам его. Ведь, кажется, так говорится. Когда-то давно на исповеди батюшка сказал мне, что я не имею права брать на себя обязательство вершить справедливость, ибо я не меч Господень. Мы не знаем замысла Божьего. И всё складывается в нашей жизни именно так, чтобы мы получили урок и обрели опыт и знания, которых нашей душе недостаёт...

Глава 5

Из офиса поехала сразу домой. Матвей встретил меня у самого порога. Крепко обняла сына.

– Мама, а мы с тётёй Ритой сегодня ходили в парк. Там новые карусели и аттракционы поставили. Я даже прокатиться смог, правда, не на всех, но было круто.

– Балует тебя тетя Рита. Ты уроки сделал?

– Да, сразу после школы. Не волнуйся.

– Какой ты у меня молодец, – поцеловала сына в макушку.

– Мойте руки, – раздался из кухни Риткин голос.

– Пошли кушать, а то тётя Рита опять будет говорить, что всё остыло, – улыбнулась Матвею.

Ужин прошёл под щебетание Матвея. Они с Ритой наперебой рассказывали мне о своих сегодняшних приключениях. Но стоило ему выйти из кухни, как подруга тут же сбросила маску веселья и беззаботности.

– Как твои дела? – произнесла она, выделяла каждое слово.

– Всё хорошо, – я прекрасно понимала, что она спрашивает не о моих делах в общем, а конкретно про Никольского.

– Ты же знаешь, о чём я, – напряжение повисло в воздухе грозовой тучей.

– Знаю. Вот и отвечаю тебе. Всё хорошо, всё под контролем, динамика положительная, – отпиваю глоток чая и поднимаю глаза на Риту, отмечая её обеспокоенный взгляд. – Тебе не о чем переживать, правда.

– Ты сама не своя этот месяц, так что переживать мне есть о чём. Не хочу тебя вновь вытаскивать после нервного срыва, как тогда, – она осеклась и в Риткиных глазах отчетливо считывался страх, и это была моя вина.

– Рит, ты чего? Зачем ты это вспомнила? Господи! Это было так давно. Не думай даже об этом больше. Поняла?! У меня теперь есть ты, Матвей и Роман. Вы единственные люди во всём мире, кто всегда рядом со мной, и я ни за что не посмею причинить вам боль. Поэтому выкинь эту глупость из головы, – я ставлю на стол кружку и, поднявшись со своего места, обнимаю подругу.

– Ань, просто он же влиятельный человек, как и его отец. У них длинные руки и хорошие связи. Они могут сделать что угодно...

– Ритуся, ты, по-моему, забыла, с кем живешь. За эти годы мои руки стали длиннее, а связи влиятельнее намного, чем им может показаться с первого взгляда. Тебе не о чем переживать. Если бы я захотела просто его убрать, то мне стоило сделать всего один звонок, и всё. Был человек, и нет человека. Но я хочу, чтобы он знал, за что и кто превратил его жизнь в ад. Хочу, чтобы прочувствовал на своей шкуре каково это, когда рушится всё, что он строил на протяжении многих лет. Я хочу видеть его на дне.

– Когда ты так говоришь, мне становится жутко. Давай договоримся, я не желаю ничего знать о «твоих длинных руках» и определенных знакомствах.

– Хорошо. Только ты не волнуйся за меня, ладно? – я улыбаюсь, задавливая внутреннюю бурю, и целую её в щеку. – Пойду Матвея уложу, – я улыбаюсь и выхожу из кухни.

На душе мерзко и неприятно скребут кошки. Рита права, во мне что-то поменялось, вскрылась старая гнойная рана. Я столько лет загоняла вглубь воспоминания о том времени, столько лет не позволяла себе думать о тех месяцах кромешного ада. Уходила с головой в работу, подгоняя себя раз за разом. Проворачивала такие схемы при поглощении чужих компаний, что если бы Ритка узнала о них, то у неё бы волосы дыбом встали. Я создавала и строила не только компанию, я изо дня в день создавала Анну Краснову, бизнес-леди со стальными

яйцами, которую уважали и опасались переходить ей дорогу. Если бы я позволила себе в то время раскиснуть из-за старых воспоминаний, то весь мой план рассыпался бы, как карточный домик. Я не могла позволить себе такой слабости, не могла снова начать себя жалеть. Жалость – это путь в никуда.

Поцеловала сына на ночь и ушла в свой кабинет. Надо было разобрать кое-какие бумаги по проекту.

Но никак не могла собраться и сосредоточиться на работе. Разговор с Ритой скovyрнул что-то внутри, снова возвращая меня в те дни. Как говорят психологи, чтобы разобраться с проблемой, нужно в неё погрузиться и разобрать всё по полочкам. Может, надо было давно это сделать? Тогда сейчас бы так не накрывало. Но до сих пор это причиняло боль.

Вышла на балкон и, вытащив из пачки сигарету, закурила. Та ночь ведь вьелась в мою память, словно разлитые чернила в мягкую, податливую ткань, обрывками и едкими картинами. Выползла тогда из той канавы на коленях и, пролежав какое-то время на земле, шатаюсь и преодолевая боль во всем теле, дошла до ближайшего дома. Держась за обшарпанную стену, сделала пару шагов и осела там же, у этой стены. Силы закончились. Сознание выключилось. Понятия не имею на сколько. Помню только интуитивно почувствовала: кто-то стоит надо мной, и противным голосом отчитывает меня: «Нажралась, тварина. Вся в мать пошла. Правильно говорят, яблоня от яблони недалеко падает. Думала, девка хоть нормальная у Маринки вырастет, а она такая же, как и мать. Тьфу, смотреть противно. Еще и развалилась, прям в подворотне...» Еле разлеплю веки, поднимаю взгляд. Возле меня, почти нависая, стоит соседка по площадке, баба Вера. Расходится вся в возмущении. Она также алкашей с лавки гоняет да пацанов из подъезда. Скандальная до ужаса. Так и хочется ей ответить, только сил совершенно нет. Пытаюсь выдавить из себя хоть слово, но в горле настолько сухо, что, сделав попытку, начинаю кашлять, содрогаюсь всем телом. Бабка быстро отшатывается в сторону, увидев, что меня к тому же тошнит, и уходит к подъезду, продолжая причитать да, поливать матом меня и мою мать. Я откидываю голову к стене и снова выпадаю из реальности. В этом положении меня и находит Рита.

– Ань, Аня, Анечка... – она трясёт меня за плечи. Открываю глаза. – Что случилось? Кто так тебя? Анют, ты слышишь меня?

– Слышу, – голос осип. Видимо, от крика, сорвала.

Рита поднимает меня с земли, почти взваливая на себя, и замечает кровь там, где я сидела. Вся юбка платья в крови, я чувствую её металлический запах. Шифоновая ткань прилипла к моим бёдрам. Рита опускает меня на лавочку и пытается с помощью носового платка и бутылки воды оттереть грязь с моих разбитых коленей. Слышу, как она всхлипывает и периодически смахивает слёзы со своих щек.

– Не плачь.

– Тебя...? – Рита спрашивает очень тихо, еле слышно.

– Да, – снова слышу Риткины всхлипы. Плакать я должна, чего она-то ревет, дурочка.

– Я помыться хочу, – шёпотом, снова заходясь кашлем.

– Нельзя, тебе в полицию надо. Тут до участка всего двор пройти. Там всё запишут, заявление примут. Его найдут, Ань, обязательно, – наивная Ритка.

– Их. Он не один был, – она замирает, прикрывает рот рукой, всхлипывая. Потом вздыхает глубоко, видимо, стараясь взять себя в руки. Помогает мне встать и ведёт меня в участок.

В полиции я прохожу ещё один круг позора. Меня ведут в медицинский кабинет, что-то записывают, фиксируют. Потом нужно писать заявление. Руки не слушаются, трясутся. Рита пишет за меня под диктовку участкового, я расписываюсь. Хочу домой. Закрыться в комнате, завернуться в одеяло и забыться сном. А ещё лучше вообще не просыпаться. Участковый не отпускает нас, просит подождать в коридоре. Мы ждём. Из медкабинета выходит медсестра со стаканом воды в руке и подходит к нам. Протягивает мне таблетку.

– На, выпей, легче станет, – даже не спрашиваю, что это. Послушно выпиваю. – Плохо будет, заходи. Ещё один укол сделаю.

– Спасибо.

Так, мы сидим в коридоре ещё минут сорок, пока участковый не выглядывает из кабинета, приглашая нас внутрь.

– На ближайшем магазине камера висела. Взяли запись, всё хорошо видно, только... – он осекается, как будто неприятно говорить, – только дело замнут, скорее всего.

Я молчу. Видимо, укол и таблетка подействовали. Сейчас я ничего не чувствую ни физически, ни душевно. Пустота накрыла.

– Почему? Если вы говорите, всё видно? Вы для чего тут сидите вообще? – Рита начинает кричать, почти насаждает на него.

– Успокойтесь, – рявкает на неё участковый. – Там не просто пацанва с района. Тот, кто это сделал, – сын богатого человека. Даже если мы пойдем против и заведём дело, его замнут, до суда не дойдёт. Только погоны полетят со всех, а это никому не надо.

– Кто он? – я поднимаю свои глаза на участкового. Я хочу знать имя это человека. Если его не накажут, я хочу хотя бы знать, кто он.

– Сын Никольского.

– Того самого? Что по телевизору показывали? Адвоката? – снова вмешивается Ритка с нескрываемым удивлением в голосе, смешанным с презрением.

– Его самого, – и переводит взгляд на меня. – Ты же понимаешь, девочка, кто он, и кто ты? Он не станет марать своё имя из-за дочери местной алкашки.

Вопросы отпадают сами собой. Мне всё понятно. Рита ещё пытается что-то сказать, спорить. Но я беру её за руку и вывожу из кабинета.

– Тебе домой нельзя сейчас. Там мать твоя с собутыльником, пьяные оба, отношения выясняют. Ко мне пойдём. Бабушка не будет против, – я киваю, и Рита ведёт меня к себе.

Я молчу. Иду, еле волоча ноги, и молчу. На улице уже очень темно. Я даже не знаю, сколько сейчас времени. Бабушка Риты уже стоит у ворот, ждёт нас.

– Почему так долго? Стемнело уже, – начинает она браниться, но осекается, разглядев мой внешний вид. – О боже, Анечка, что случилось? – мы заходим во двор. – Деточка моя, кто ж сотворил-то такое? Рита, в баню её веди. Истоплена, тепло там.

Рита отводит меня и помогает раздеться. Выходит за полотенцами, но я знаю, что это лишь повод объяснить всё бабушке. Возвращается довольно быстро. Помогает отмыться, аккуратно вымывает грязь из ран и ссадин.

– Ань, если больно, ты не молчи, говори, – но я молчу. Если заговорю сейчас, то начну реветь и окончательно напугаю всех. Меня прорвёт, как плотину, и бабушка вызовет скорую. А я не хочу в больницу. Стискиваю зубы сильнее и молчу. Рита с бабушкой укладывают меня после бани спать. Как только голова касается подушки, я проваливаюсь в сон, тревожный, неприятный, беспокойный, наполненный кошмарами и мерзкими чудовищами.

Еще два дня живу у Риты. Первый день почти весь отлеживалась, болело всё тело. Баб Нюра не разрешала вставать, отпаивала меня травяными чаями, не задавая никаких вопросов, за что я ей была очень благодарна. На второй день я заставляю себя встать и помочь ей по хозяйству, пока Ритка бегаёт в библиотеку. На носу последние экзамены, и надо подготовиться.

– Анют, живи с нами. И мне помощь нелишняя. Да и к экзаменам спокойно подготовишься, без пьяных дебошей матери.

– Баб Нюр, да неудобно мне как-то. И так два дня со мной нянчитесь.

– Не дури, девка. Ритка прибежит со своими книжками, пойдёте, соберёте вещи, учебники. Всё, что нужно, и живи у нас. Нечего тебе на алкашей смотреть. Поди, и выспаться не дают. Мать твою я давно знаю. Работали на фабрике вместе. Хорошая женщина была, да только синька до добра никого ещё не довела и мозгов не добавила. Как мужик её бросил, ты ещё

маленькая была совсем, так и начала она за рюмку хвататься. Вы тогда с Ритулькой только в ясли пошли.

– Баб Нюр... – не смогла я высказать, что чувствовала, просто обняла пожилую женщину. Слезы скопились в глазах и горячими каплями заструились по щекам.

– Ну-ну, девонька, ты чего? Ты же мне, как внучка вторая. Я же тебя ещё кнопкой маленькой помню. Хорошо всё будет. Жизнь длинная: всё забудется, всё затянется, всё пройдет.

– Спасибо вам, баб Нюр.

– Да не за что, девонька, не за что. Иди, приляг да таблетку не забудь выпить. Я пойду за хлебушком схожу да с Зинкой поболтаю заодно. А то она мне своей рассадой уж сильно хвасталась.

После обеда мы с Ритой отправились ко мне домой за вещами.

В квартире стояла жуткая вонь от перегара, сигарет и ещё не пойми отчего. Мать с двумя мужиками сидела на кухне. Судя по количеству матов, они что-то бурно обсуждали. Мы с Ритой проскользнули в мою комнату и начали быстро собирать вещи. Я уже застегивала сумку, когда в дверном проёме появилась мать.

– О, какие люди! Дочурка нарисовалась. Нагулялась, прошм**довка? Что с личиком? Хахаль разукрасил? Так тебе и надо! Не хер шляться где попало. Денег хоть дал еб*рь-то твой? – от неё несло перегаром и запахом немытого тела за версту, вызывая во мне рвотные позывы. Время два часа дня, а она уже была в стельку пьяная.

– Мам, дай пройти.

– Денег, говорю, дал? – она снова перегородила дверной проём, не давая выйти из комнаты.

– Нет у меня денег. Дай пройти!

– А какого ты хрена ноги раздвигаешь без денег, шалава?!

– Дай пройти, сказала.

– Денег дай, говорю. Что, не видишь, опохмелиться матери надо! – не могу больше её выносить: ни её, ни эту вонь. Отталкиваю её с прохода, и мы выбегаем с Ритой прочь из этой квартиры. Вслед нам слышишься отборная матерная брань. Мать орёт на весь подъезд так, что слышно даже на улице.

Глава 6

После тех событий прошло две недели. Я жила у Риты, готовилась к выпускным экзаменам и ждала возвращения Виталика из армии. Последние недели он отчего-то не отвечал на мои письма. Может, некогда, а может, затерялись на почте. Придёт, обязательно спрошу. Послезавтра у Риты день рождения, а через неделю у меня. Я ждала этого дня больше всего, так как, наконец, смогу уехать отсюда. Виталия планировал после армии переехать в город из посёлка и обещал забрать меня с собой.

Наивная дурочка, стоящая воздушные замки. Но я ведь тогда не знала, что мне принесёт завтрашний день. Всё, что во мне не смогли растоптать до этого, размазали тем днем по брусчатке перрона, пройдясь по остаткам армейскими сапогами. Рита забрала меня с вокзала. Всю дорогу до дома всё происходящее казалось каким-то нелепым, нереальным, словно происходило не со мной. Долго лежала в кровати и не могла уснуть, пока меня не начало накрывать. Ком собрался в горле, слёзы бежали по лицу. Хотелось кричать, плакать навзрыд. Наверное, события того дня были для меня последней каплей. Чаша переполнилась, и вся боль рвалась наружу, просила выхода, ломая рёбра и перекрывая дыхание. Я, не желая разбудить своим воем Риту или, не дай Бог, бабу Нюру, прикрыла ладонью рот, заглушая всхлипывания, вышла во двор. Уйдя в самый дальний угол бабушкиного огорода, где стояла старая банька, присела на скамейку и, наконец, разрыдалась. Слёзы душили и сжимали горло, боль сдавливала грудную клетку. Я не просто рыдала – я выла от обиды, боли, несправедливости. В отчаянье стучала кулаками по старым бревнам бани, разбивая себе в кровь пальцы. Задавалась единственным вопросом: за что?

В дом вернусь только под утро. Ноги сводило и покалывало. От долгого сидения на низенькой скамейке, словно тысяча мелких иголок впивались в мышцы. Глаза и лицо распухли от слёз. Не помогло даже то, что умылась холодной дождевой водой из бочки. На горизонте уже алел рассвет. Солнечные лучи возвещали о начале нового дня. Только в душе отныне воцарилась мрачная, непроглядная темень.

Проснулась ближе к двенадцати. Баба Нюра суетилась на кухне. Ритка, как всегда, в это время на подготовительных занятиях подтягивала математику. Стало безумно стыдно, что в чужом доме на птичьих правах, да ещё и сплю до обеда. Вышла на кухню, умылась.

– Баб Нюр, давайте я вам помогу.

– Ты садись, деточка, покушай сначала.

– Не хочется есть, попозже, – если честно, от одного запаха еды меня начинало тошнить.

У меня так бывает, когда сильно перенервничаю. Но говорить об этом бабушке я не стала. Мало ли, волноваться станет.

– Ну, так и похудеть недолго. Кушать надо, особенно с утра. Ладно, что с тобой поделаешь. Не насильно же кормить. Тогда собирайся да в магазин сходи за стущенкой, торт испечем. У Ритки нашей, день рождения сегодня, не забыла?

– Конечно, не забыла.

– Нечай девке уже девятнадцать лет. Взрослая стала, а я и не заметила. Мать её непутевая в этом возрасте уже в подоле принесла. Слава Богу, Ритка выросла, нечета ей, по стопам матери не пошла, – старая женщина как-то тяжело вздохнула, будто вспомнила что-то плохое.

К вечеру мы с бабой Нюрой испекли торт и накрыли скромный стол к приходу Риты, которая снова прибежала с кучей книжек и тетрадей. Мы втроём попили чай с тортом, поужинали. Бабушка рассказывала нам забавные истории из своей молодости, мы слушали и смеялись. Было так тепло, по-семейному. За все годы, проведённые в одной квартире с матерью, именно сейчас, за столом с Ритой и бабой Нюрой, я испытывала ощущение какого-то внутреннего тепла, доброты, чувства семейности. Когда семья – не просто слово. Когда ты чувствуешь,

что ты не один, ты связан какими-то незримыми нитями с этими людьми, и от этого становилось хорошо на душе, спокойно.

Утром я проснулась рано, дома было непривычно тихо. Прошла на кухню, поставила чайник. Следом за мной проснулась Рита.

– А бабушка спит ещё?

– Наверное.

– Уже восемь. Она обычно в шесть встает. Может, ушла куда? – Рита пошла в бабушкину комнату, а я принялась разливать по кружкам чай. Услышав вскрик подруги, я чуть не опрокинула на себя чайник с кипятком. Отставив всё, бросилась в комнату.

Рита стояла у кровати бабушки, прикрыв лицо руками. Баб Нюра лежала, как обычно, словно спала. Только бледность лица и умиротворенность говорили о том, что женщина умерла.

А дальше всё с бешеной скоростью завертелось в бесконечных хлопотах. Вызвали скорую помощь для того, чтобы зафиксировали смерть. Тело забрали в морг. Врачи сказали остановка сердца. Рита беспрестанно плакала. У меня же слёз отчего-то не было. Надо было принимать ряд решений. Когда бабушкино тело забрали в морг, Ритка ушла в комнату и проплакала весь день. Я её не трогала лишний раз, сама обошла всех бабушкиных подруг, известила о случившемся. Баба Зина взяла на себя заботы о месте на кладбище, остальные позаботились о прочих вещах. Нам с Ритой предстояло накрыть поминальный стол. Дверь в дом была постоянно открыта, люди приходили прощаться с бабушкой. Все два дня мы почти не спали, встречали и провожали людей. Вокруг всё было в венках и траурных лентах. Рита не отпускала ни на минуту мою руку. Да и я не хотела её оставлять надолго одну. Слёзы так и не пришли, внутри будто всё выжгли, пустота полнейшая. Жизнь словно на прочность меня испытывала, продолжая отбирать всё, что я любила и бережно хранила.

После похорон было тяжело находиться в бабушкином доме, но нам ничего другого не оставалось. Через две недели мы сдали последние экзамены и, не дожидаясь выпускного, на который, если честно, и не собирались идти, забрали аттестаты. Сидя на скамейке в сквере недалеко от школы, мы праздновали мой день рождения и наше окончание школы поеданием мороженого в вафельных стаканчиках.

– Ань, а ты куда поступать будешь? – неожиданно спросила Ритка, хотя мы не раз обсуждали с ней вопрос поступления.

– В город поеду. В архитектурный хочу на градостроительство.

– А я в педагогический, на учителя русского и литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.